

Психология. Социальная психология

УДК 159.9

В.А. Мазилев

КРИЗИС ПСИХОЛОГИИ: БЫЛА ЛИ ТРОЯ?

Статья посвящена анализу феномена кризиса в психологии. Периодически появляются новые публикации на эту тему, что свидетельствует о том, что она не закрыта и сохраняет свою актуальность. Обосновывается положение, согласно которому, существуют психологические причины, заставляющие психологов всё новых поколений говорить о кризисе. Главный тезис – навязчивое обращение (и возвращения) к теме кризиса – не что иное, как память психологов (для самих себя) о том, что психология пока что несовершенна, если мерить по большому счету и считать ее наукой о человеческой Душе, наукой о наиболее удивительном и совершенном (возвышенном), как некогда полагал Аристотель. В статье предлагается принять за дату возникновения кризиса 1874 год, что совпадает с датой возникновения психологии как самостоятельной науки. В статье выделены и описаны три уровня кризиса.

Ключевые слова: психология, наука, кризис, предмет психологии.

Новые и новые публикации на тему кризиса в психологии свидетельствуют о том, что тема эта не закрыта: напротив, она сохраняет актуальность [4-6; 20; 21], и дает некоторые основания для того, чтобы высказать суждения на этот счет. Поскольку нам уже приходилось высказываться о кризисе в психологии [14; 15; 18; 19], выделим лишь некоторые аспекты проблемы, наиболее важные в свете последних дискуссий на эту тему.

Греческое слово “кризис” (*krisis* – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса”, “резкий, крутой перелом”. Иными словами, *кризис* можно истолковать и как термин оптимистический: имплицитно представляется – вот пройдет кризис, и всё будет по-новому, всё будет лучше. Поэтому тяготение к термину “кризис” может означать всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации.

Считается, что в русском языке это слово заимствовано, возможно из немецкого языка, и появилось оно в России в первой половине XVIII в. Немецкое *krisis* – кризис, греч. *krisis* – переломный момент, поворотный пункт, исход, кризис. Дословно греческое *krinein* – решать от *krino*, что значит разделять, просеивать, отсеивать, определять, судить. Просеивать, отсеивать – значит очищать. Словарь Вебстера отсылает нас к немецкому *rein* английскому *pure* очищенный. Индоевропейские истоки – *punāti he cleanses*, «он чистит, очищается, искупает вину». Отсюда возможен (и в этимологических словарях приводится) такой смысловой аспект первичного значения слова *кризис* как *новый, свежий*. В данном подтексте **кризис – это очищение, отказ от старого и формирование нового** [9]. И, как утверждает только что цитированный словарь, **«кризисы – это признак жизни, только у мертвых нет кризисов. Кризис – это не грянувшее зло, кризис – это неизбежный этап для отбрасывания плохого и приобретения нового хорошего. Хотите развития к лучшему – готовьтесь к кризисам. Не любите кризисы? Тогда оставайтесь в прошлом, где вам самое место»** [9]. В каждой шутке, напомним, есть доля истины...

Психологи любят слово «кризис» не только как важный предмет исследований возрастных, медицинских, социальных, организационных и др. психологов. Психологи едва ли не обожают описывать этим термином состояние их науки. Если за дату возникновения научной психологии принять 1874 год, когда был полностью опубликован труд В.Вундта, обосновавший «новую область в науке» [35], то придется признать: кризис сопровождал само рождение научной психологии. Дело в том, что в том же 1874 году другой психолог Ф. Брентано писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обростет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [1. С. 11]. Как далее увидим,

это и есть главный симптом кризиса: психологий много, нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

Заметим, что обсуждение проблемы кризиса связано с интенсивными «методологическими эмоциями» (А.В. Юревич), которые существенно осложняют рассмотрение и так не простых методологических вопросов.

Постараемся кратко сформулировать нашу позицию.

1. Полагаем, что не стоит воспринимать кризис как *негативное явление*. Как уже выше отмечалось, кризис может рассматриваться не только как «резкий, крутой перелом», но и как «тяжелое переходное состояние какого-либо процесса» (например, как родовая травма, которая не преодолена до сих пор). Поэтому стоит акцентировать, что, если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это никоим образом не должно расцениваться как ее недостаток.

2. Важно подчеркнуть, что это именно состояние, а состояние *субъективно*, так как представляет собой субъективную оценку. Поэтому очевидно, что вполне возможна множественность оценок: то, что одному субъекту представляется кризисом, другому видится поступательным развитием.

3. Как многократно отмечалось, российской науке свойственно «витать в облаках», не уделяя должного внимания практике (Дж Сорос). Вероятно, стремление «дойти до самой сути», свойственное отечественной науке, влияет на то, что термин *кризис* используется в нашей психологии чаще, чем в зарубежной.

4. Представляется, что, когда мы говорим о *кризисе*, не стоит воспринимать его упрощенно и уплощенно. В известном исследовании [28] было убедительно показано, что *кризис* (впрочем, как практически и все в психологии) имеет сложное строение, носит системный характер. Не подлежит сомнению, что для понимания кризиса важно учитывать, что существуют социальные и когнитивные его составляющие [28].

Итак, когда мы говорим о *кризисе*, мы имеем в виду выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему.

Обратимся, однако, к аспекту проблемы, давшему название нашей статье. Как известно, один из центральных образов, связанных с кризисом в психологии, был представлен в книге Н.Н. Ланге «Психология» [11]:

Приам на развалинах Трои. Приам, который, как мы помним по Илиаде, к моменту захвата Трои был глубоким старцем, не принимавшим участия в сражениях, отцом 50 сыновей и 50 дочерей. У Гомера ничего не сказано про то, что переживал Приам на развалинах Илиона, захваченного ахейцами. Судя по всему, погоревать на развалинах ему так и не удалось, поскольку, согласно Вергилию, убит Приам был в алтаре Зевса сыном Ахилла Пирром (Неоптолемом). Последние слова старца Приама, которые он произнес в гибнущей Трое: «Не доживет до старости тот, кто отнимает жизнь у старости».

Кризис психологии, согласно Н.Н. Ланге, проявился в том, что нет больше Трои. Крушение ассоциативной системы породило развалины. Впрочем, предоставим слово самому автору:

«Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциативной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ» [11. С. 69].

Н.Н. Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий «огромного расхождения» («отсутствия общепринятой системы в науке») – если «расхождение» существует, то психология не имеет «основы», «фундамента», позиции по отношению к которым у большинства психологов должны совпадать.

Но вот вопрос, который для нас важен: «Действительно ли в пору господства доктрины ассоциативной психологии был золотой век, существовала Великая Троя, подвергшаяся разрушению?» Полага-

ем, что нет. Хотел Н.Н. Ланге акцентировать разрушительную сторону кризиса, вот и выбрал такую метафору. Более соответствует реалиям, на наш взгляд, метафора «кротовых нор», принадлежащая Фихте-сыну. Горькие слова Фихте-сына, сказанные в 1847 году, тогда безусловно справедливые, уже в 1880-е гг. казались относящимися к далекому прошлому психологии: «Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах, и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к подземным ходам других. В науке самого высокого и универсального интереса, каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего» [12. С. XLV-XLVI]. Обратим внимание на то, что цитата из Фихте приводится по тексту книги Н.Н. Ланге 1893 г. Не было золотого века применительно к метафоре кризиса Н.Н. Ланге, «не было Трои»... Золотой век – впереди!

Настоящая работа не является историко-психологическим исследованием, поэтому не преследует цели подробного описания кризисных явлений на разных этапах развития научной психологии (эта тема, несомненно, достойна специального исследования). Наша задача – попытаться выявить специфику кризисов в психологии и наметить магистральные пути их возможного преодоления. Исторические данные будут привлекаться лишь для того, чтобы попытаться ответить на важный вопрос: имеем ли мы дело с одним и тем же «перманентным» кризисом, или же происходит череда сменяющих друг друга кризисов различной природы. Во всяком случае даже поверхностный взгляд на историю психологии заставляет предположить, что кризисы в психологии были практически всегда. Необходимы лишь некоторые уточнения. В работе А.В. Юревича делается важное разграничение: «Основываясь на науковедческой традиции дифференцировать ее когнитивную и социальную составляющие, можно утверждать, что и кризис науки тоже может быть когнитивным и социальным, а отечественная психология если и переживает, то в основном *когнитивный*, а не *социальный кризис* – кризис представлений о том, как следует изучать и объяснять психологическую реальность, а не кризис социального статуса и материального положения психологов» [28. С. 3]. В данной статье речь будет идти исключительно о когнитивном кризисе.

Другое важное ограничение связано с тем, что речь пойдет именно о *научной психологии*: проблемы психологической практики не будут нами рассматриваться сколь-нибудь подробно. Это никоим образом не означает недооценки значения практико-ориентированной психологии: просто у данной работы свои задачи.

И, наконец, поскольку объем работы существенно ограничен, многие вопросы будут освещены очень кратко (о различных трактовках кризиса в психологии в 10-е – 70 гг. см. [14; 18; 19]).

Итак, в любом случае, первым о кризисе заговорил Brentano в 1874 г. Книга Н.Н. Ланге «Психология» [11], в которой открыто говорилось о кризисе в психологии, послужила своего рода сигналом: свои «диагнозы» начали давать многие психологи. Исторической справедливости ради следует отметить, что и до Ланге о кризисе в психологии писали французский последователь В.М. Бехтерева Н.Н. Костылев, опубликовавший в 1911 г. в Париже книгу под названием «Кризис экспериментальной психологии» [32]; еще в конце позапрошлого столетия махист Рудольф Вилли написал книгу о кризисе в психологии [34]. В любом случае приоритет в постановке диагноза принадлежит всё же Ф.Брентано: он сумел разглядеть симптомы кризиса практически в момент рождения научной психологии. Впрочем, куда важнее другое: с тем, что кризис есть, согласны все. Что же касается трактовки причин и смысла психологического кризиса, то здесь наблюдается привычное для психологической науки многообразие взглядов и позиций.

Есть основания считать, что кризис, первые симптомы которого можно увидеть в работах Ф.Брентано, существует уже в течение века. Преодолен он не был, и признаки, названные еще Н.Н. Ланге, по-прежнему налицо. Существуют некоторые флуктуации, связанные с тем, что появляются надежды на единство, которые в очередной раз не оправдываются, что ведет к обострению кризиса. Рассмотрим в качестве примера Международные психологические конгрессы.

XVIII Международный психологический конгресс в Москве в 1966 г., по свидетельству Л. Гараи и М. Кечке, явился триумфом естественнонаучного подхода: «Можно с уверенностью утверждать, что большинство участников Международного конгресса по психологии уехало из Москвы в настроении подлинной эйфории, вызванной уверенностью в том, что психология на правильном пути, которым раньше стали двигаться физика, химия, биология и другие естественные науки, от которых психология отличалась (если отличалась вообще) только большей степенью сложности объекта своего исследования. Эту же эйфорию выразили заключительные слова Прибрама: “Это был поисти-

не исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь в Москве мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука» [3. С. 87]. Важно обратить внимание на такой факт: торжество естественнонаучного подхода связывалось с тем, что в очередной раз создалась иллюзия: чисто «социальные» феномены поддаются «естественным» методам. Л. Гараи и М. Кечке в статье с символическим названием «Еще один кризис в психологии!» вспоминают, с каким восторгом встретили участники московского конгресса доклад Х. Дельгадо, где описывалось изменение «социального» поведения обезьян под влиянием стимуляции мозга с помощью вживленных электродов. То есть в очередной раз показалось, что сбудется мечта Энгельса («Мы сведем когда –нибудь...»). «Поскольку изменение поведения меняет статус в группе, социальная структура этой последней может целиком оказаться в зависимости от такой технической манипуляции. Более чем вероятно, что вся аудитория согласилась с выводом этого доклада о возможности изменения таким способом социального порядка целых сообществ и необязательно только у животных» [3. С. 87].

«На этом фоне было настоящим сюрпризом, что десять лет спустя другой международный конгресс, 21-й в Париже, был открыт Полем Фрессом президентским обращением, первой фразой которого было: «Психология находится в состоянии кризиса!» Президент утверждал: «Кризис глубок, ибо это кризис теории. Мы ступили на путь научной революции в поисках новой парадигмы в смысле, который Кун дал этому слову». Фресс утверждал, что поиск новой парадигмы идет в направлении, где поведение будет не больше, чем сырой материал исследования, реальным объектом исследования которого станет человек. А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественнонаучной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтея сформулировал следующим образом: «Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю, идентичен тому, кто ее творит»» [3. С. 87].

Итак, XXI Международный конгресс устами П. Фресса констатировал наличие кризиса, причем глубокого. Но характерно, что уже на следующем Международном конгрессе (XXII) тот же Поль Фресс утверждал, что кризис в значительной степени преодолен. Анализируя продолжающееся со времен В. Вундта разделение психологии на естественнонаучноориентированную и культурноориентированную, французский ученый выдвигает оптимистический тезис: «Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковывавшую психологию в первые десятилетия ее существования» [24. С. 51]. Он поясняет, почему является сторонником «единства психологии»: «ее объект – человек – обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается поведением» [24. С. 53]. «Человек ли, как Фресс того требовал, является объектом психологии или поведение, как по сей день считают многие из цеха психологов-исследователей, но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет наткаться на несурзности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затаенные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии» [3. С. 90-91]. «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» (Там же).

Как ни удивительно, до сих пор многие исследователи выражают надежду, что проблема разрешится просто: где-то будет найден ответ, причем в готовом виде. Венгерские психологи Л. Гараи и М. Кечке, яркая статья которых уже неоднократно цитировалась, связывают надежды с творческим наследием Л.С. Выготского: «В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского» [3, с. 91]. Крупный американский исследователь М. Коул усматривает возможное разрешение кризиса в психологии в развитии идей, содержащихся в работах А.Р. Лурии [30]. Такого рода экспектации воспринимаются с известным пессимизмом. Условия для преодоления раскола в психологии должны быть не внешними, а заложены в фундамент психологии, что требует содержательной методологической работы.

Итак, в психологии по-прежнему раскол. О той же болезни в своей статье говорит и Ф.Е. Василюк [2] – как о симптомах «схизиса» – расщепления психологии на научную и практическую. Схизис трактуется им как характеристика современного состояния психологии в нашей стране, и в качестве выхода из кризиса (преодоления схизиса) он предлагает реализацию психотехнического подхода как средства выработки общепсихологической методологии. При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений, повторим: мы не против самого подхода, но против абсолютизации его *методологического значения для общей психологии*), видимо, не следует надеяться, что он станет панацеей.

Все-таки трудно не обратить внимания на удивительное сходство между кризисом в психологии, разыгравшимся в первой трети XX в., с кризисом нынешним. Возникает впечатление, что кризис начавшийся, по уверению Н.Н. Ланге, в 1870-е гг. позапрошлого столетия, остался непреодоленным. Прав был и А.Н. Леонтьев, утверждавший, что мировая психология в течение столетия развивается в условиях кризиса. Российская психология «вернулась» в мировую психологию; кризисные явления, как и следовало ожидать, не исчезли. Вместе с тем трудно оспорить наблюдение о периодичности «обострения» этого кризиса. С таким очередным обострением мы имеем дело сейчас. По-видимому, существует общий глобальный кризис научной психологии, начавшийся в 1870-е гг. Он не преодолен, и с ним психология вступает в третье тысячелетие. Кроме этого, общего, существуют и более локальные кризисы развития как естественная фаза нормального процесса развития. Их «наложение» воспринимается как «обострение» или как возникновение «нового» кризиса (что зависит от установки воспринимающего).

Но если глобальный кризис один и тот же, в чем он состоит? Существует достаточное количество мнений на этот счет, причем их число легко умножить. К примеру, К. Левин полагал, что трудности, которые испытывает психология, в том, что она еще не освободилась от аристотелевского типа мышления и лишь переходит к галилеевскому [33]. П.Я. Гальперин, известный советский психолог, видел истоки кризиса в том, что психология не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником «открытого кризиса психологии» был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [8. С. 3].

П.Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» [8. С. 3]. К сожалению, диалектическому материализму тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. Надежда оказалась иллюзорной.

Современные американские авторы вполне обоснованно утверждают, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, мы как никогда далеки от того, что хоть как-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» [27. С. 33]. «В конце [XX] столетия нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» (Там же). «Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» (Там же). «Американская психология разделена на враждующие фракции» (Там же).

Таким образом, нынешний кризис в психологии – это кризис мировой психологической науки. В России он переживается острее ввиду особенностей нашей социокультурной ситуации. Кризис психологии в конце II тысячелетия глобален, объёмен, интернационален и многопланов. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях. Каковы же основные, наиболее существенные, проявления кризиса на пороге XXI в.? В чем его причины на современном этапе развития психологии?

Глубокий и интересный анализ кризисного состояния психологии предпринял А.В. Юревич в статье «Системный кризис психологии» [28], посвященной обоснованию положения о том, что кризис в современной психологии носит системный характер и определяется несколькими ключевыми факторами. Остановимся на этой работе более подробно, как на одном из немногих специальных исследований в современной науке по данной проблеме.

А.В. Юревич четко определяет симптомы кризиса: 1) отсутствие единой науки, дефицит устойчивого знания, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией; 3) конкуренция со стороны паранауки, возникновение пограничных между наукой и не-наукой систем знания. Анализируя современное состояние психологической науки, А.В.Юревич отмечает, что «в этой дисциплине отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А.Маслоу, “силы” представляют собой “государства в государстве”, которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, несоизмеримы друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признается другими; отсутствует сколь либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обрастание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом, и т. д.» [28. С. 4].

А.В. Юревич справедливо указывает, что в 70-е гг. XX в. возлагались большие надежды на появление единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами и объединит психологическую науку, но им не суждено было оправдаться: психология сегодня еще более мозаична и непохожа на естественные науки, чем раньше.

Автор цитируемой работы несомненно прав, когда утверждает, что неудачные попытки походить на естественные науки вызвали стремление обосновать исключительное положение психологии. Самоопределение психологии чаще всего осуществляется при помощи куновского понятия «парадигма». А.В. Юревич анализирует различные позиции относительно методологического статуса психологии и приходит к выводу, что их можно представить следующим образом: 1) психология представляет собой допарадигмальную область знания; 2) психология является мультипарадигмальной наукой; 3) психология – внепарадигмальная область знания.

А.В.Юревич справедливо указывает, что преобладающее сейчас определение методологического статуса психологии на основе третьей позиции позволяет психологии преодолеть комплекс непохожести на точные науки.

Главную причину кризиса психологии автор видит в общем кризисе рационализма, охватившем всю западную цивилизацию. «В условиях общего кризиса рационализма границы между научной психологией и системами знания (или заблуждений), которые еще недавно считались несовместимыми с наукой, уже не являются непроницаемыми» [28. С. 9].

Автор использует важные понятия «социодигмы» и «метади́гмы» (см. Табл. 1 «Общие типы когнитивных систем»). «Исследовательская же и практическая психология, обладая всеми различиями, характерными для разных парадигм, развиваются к тому же различными сообществами, и поэтому их следовало бы обозначить не как конкурирующие парадигмы, а как различные социодигмы» [28. С. 7]. Метади́гмы связаны с выделением таких систем отношения к миру как западная наука, традиционная восточная наука, религия и др. «Эти системы носят более общий характер, чем парадигмы и даже социодигмы, и, развивая данную терминологию, их можно назвать метади́гмами, отведя им соответствующее место в иерархии когнитивных систем» [28. С. 9]. Водораздел между различными метади́гмами состоит в том, что они опираются на различные типы рациональности.

Наука, согласно А.В. Юревичу, зависима от общества не только социально, но и когнитивно, впитывая и включая в состав научного знания порожденные другими метади́гмами и распространенные в обществе представления.

«Психология, таким образом, оказавшись в наиболее “горячей точке” взаимодействия различных метади́гм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутрен-

них противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер, имея в своей основе три ключевых фактора: 1) общий кризис рационализма, 2) функциональный кризис науки, 3) кризис естественнонаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие этого кризиса имеют социальные корни, и поэтому кризис психологии, проявляющийся в основном в когнитивной плоскости – как кризис психологического знания и способов его получения, обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько системы ее взаимоотношений с обществом, и поэтому может разрешиться только социальным путем. Наивно полагать, что изобретение новых систем психологического знания, развитие уже существующих или отработка новых способов аргументации помогут рационалистической метадигме одолеть ее конкурентов» [28. С. 10]. Не вдаваясь в обсуждение этой оригинальной работы, отметим только, что не со всеми положениями, высказанными автором, можно согласиться.

Несомненно, что кризис может быть разрешен только социальным путем. Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, то есть социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Положение психологии на пороге III тысячелетия, как мы видели, никак нельзя признать благополучным. Ее современное состояние можно определить как глубокую диссоциацию (букв.: «разъединение», «разделение»). Этот термин (широко использующийся ныне в разных школах психиатрии и психотерапии) точнее всего описывает, как нам представляется, происходящее в этой области человеческого знания. В чем проявляется эта диссоциация в современной психологии (и в мировой, и в российской)?

Во-первых, в традиционной для психологии кризисной симптоматике, когда отсутствует единый подход: нет основы, объединяющего начала. «Психологий много, нет психологии». Впервые о кризисе начали говорить в 1870-е гг. В первой трети XX в. кризис вступил в открытую фазу, и выдающиеся психологи посвятили его анализу свои труды (Л.С. Выготский, К. Бюлер, С.Л. Рубинштейн, К. Левин и др.). Кризис в истории психологии имел много «ликов»: борьба между объективной и субъективной психологией, между объяснительной и понимающей, между психологией материалистической и спиритуалистической, между поведенческой и психологией сознания и др. В настоящий момент кризис выражается наиболее ярко в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов (см. подр. [3]).

Во-вторых, в противопоставлении научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии) (см. подр. [2]). Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии. Разрыв между теорией и практикой в психологии, существовавший в 1920-е гг. (о нем писал Л.С. Выготский в 1927 г.), ныне углубился, превратившись в глубокую пропасть – в первую очередь, по причине многократного увеличения масштабов психологической практики.

В-третьих, в разрыве между научной психологией и концепциями и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной трансперсональной психологии и т.п.). Действительно, человеку, интересующемуся познанием «Я», ищущему свой духовный путь, лучше обращаться не к научной психологической литературе. Эта «ниша» прочно оккупирована «специалистами», далекими от научной психологии. В крайнем случае, литература, поэзия и философия дадут в этом отношении существенно больше, чем научные психологические труды. Критика В. Дильтеем (1894) научной психологии («в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых»), увы, по-прежнему актуальна.

В-четвертых, в разрыве между психологией западной и восточной. Верно, что восточные учения в XX в. стали постоянной составляющей интеллектуальной жизни цивилизации. Но на научную, академическую психологию они, практически, влияния не оказали. В значительной степени ассимилировавшая опыт восточной психологической мысли трансперсональная психология сама до сих пор остается фактически непризнанной официальной наукой.

В результате этих диссоциаций (перечень их можно продолжить, существуют и другие) «пострадавшей» стороной оказывается именно научная психология, так как постепенно сужается пространство науки: проблемные поля «уступаются» разного рода «практическим психологам», среди которых немало откровенных шарлатанов. Таким образом, научная психология идет по обратному

пути, указанному некогда создателем гуманистической психологии А. Маслоу, который предлагал психологической науке осваивать предметные области, традиционно относящиеся к сфере искусства и религии. Не вызывает энтузиазма предложение превратить психологию в психотехнику, перейти от «исследования психики» к «работе с психикой»: это превращение просто лишит психологию возможности стать в будущем фундаментальной наукой, основой наук о человеческой психике. Если воспользоваться терминологией К.Д. Ушинского, психология в этом случае вообще перестанет быть наукой и превратится в искусство. Всё же психология, каково бы ни было ее настоящее, вне сомнения, является наукой.

Уже в конце XX столетия стало совершенно ясно, что ни одна из диссоциаций не может быть разрешена «силовым» путем, посредством «логического империализма» одной из «полупсихологий», представляющих «полюса» в той или иной диссоциации. Как отмечают Л. Гараи и М. Кечке, экспансия естественнонаучной логики приводит к тому, что исследование всё чаще «будет наткаться на несурзности» [3. С. 90]. «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [3. С. 91].

Другой возможный ход, который в сложившейся ситуации представляется естественным, также не внушает оптимизма: если существуют диссоциации, должен быть «запущен» механизм интеграции. Но, как это убедительно показали еще Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн, «синтез» разнородного путем механического «сложения» обычно не осуществляется: для этого необходимы особые условия.

К таким условиям, на наш взгляд, в первую очередь необходимо отнести пересмотр понимания предмета психологической науки. Все отмеченные выше диссоциации имеют одну причину – слишком узкое, ограниченное понимание предмета психологии.

В решении этой проблемы можно выделить два этапа. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа в значительной степени уже проделана. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа тоже проводится. Как конкретно будет называться этот новый предмет? Представляется, что наиболее удачен термин «внутренний мир человека» [25]. Предпринята попытка представить в качестве предмета психологии внутренний мир человека, поскольку именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместиив всю психическую реальность в полном объеме. Многие методологические проблемы психологии порождаются нерешенностью главной – выработкой нового понимания предмета. Противостояние парадигм, различия между естественнонаучной и гуманистической ориентациями в психологии и т. п. – эти важнейшие проблемы в значительной степени следствия нерешенности основного вопроса психологии. Проблема предмета – это действительно, если перефразировать классика, основной вопрос всей, в особенности новейшей, психологии.

В настоящее время подготовлен учебник для будущих психологов [26]. При подготовке его использовано новое понимание предмета психологии как *внутреннего мира человека*. Это понятие рассмотрено в учебнике и показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, человек характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы в его внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, внутренний мир представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан его переживаниями.

Внутренний мир как субстанциональная сущность, характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого – в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, изучаемые психологией.

Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, то есть именно социальным путем. Но первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета.

Как нам представляется, кризис в психологии имеет уровневое строение. Полезно выделение трех основных уровней, что позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является ли кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере, их три.

Первый – относительно неглубокий. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт, создатель научной психологии, заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX столетии может быть уподоблена движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л.Гараи и М.Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И, наконец, третий, самый глубокий, уровень связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Брентано и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, обеспечивших психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения) с другой – разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). На наш взгляд, трактовка предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Перманентным (не преодоленным до сих пор) является кризис на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии). Применительно к нему можно сказать, что это действительно кризис, который всегда с тобой. О нем в рамках настоящего текста было сказано, что переживания, связанные с этим уровнем, напоминают психологам, что современная психологическая наука далека от идеала.

На втором уровне – парадигмальном – речь идет о тех кризисах, которые возникают регулярно и регулярно разрешаются. Если принимать во внимание в основном этот уровень, то сложится впечатление, что кризисы преходящи. Многочисленные примеры приводились выше: трудности в реализации естественнонаучного подхода приводят к повышенным ожиданиям от герменевтического подхода (в последние годы также и от других парадигм: конструктивистской, психотехнической, синергетической, постмодернистской). В настоящее время налицо повышенное внимание к нейронаукам, достижениям в области фармакологии, которая создает препараты, направленно модифицирующие психическую активность.

И, наконец, первый, явленный на поверхности, уровень отражает жизнь конкретной научной школы или направления. Как хорошо известно, можно говорить о кризисах в бихевиоризме, психоанализе, когнитивной психологии, деятельностном подходе и т.д. Поскольку первый и второй уровни могут совпадать по времени, это может приводить к субъективному «наложению» – усилению переживания, тогда кризис может переживаться более остро.

Если говорить о глубинном уровне, то главный вывод, который следует из приведенных выше соображений, состоит в том, что кризис в научной психологии, так сказать, «заложен конструктивно». Следовательно, важнейшей проблемой современной психологии остается выработка такого понимания предмета, который бы позволил преодолеть кризис на глубинном уровне. Здесь нет возможности рассматривать исторические причины возникновения узко-неадекватной трактовки предмета, хотя это и представляется важным и поучительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брентано Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
2. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25-40.
3. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 86-96.
4. Гусельцева М.С. Методологические кризисы и типы рациональности // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3-15.
5. Завершнева Е.Ю. Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 24 с.
6. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 18-28.
7. История зарубежной психологии: 30-60-е годы. Тексты / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1986. 344 с.
8. История психологии: период открытого кризиса: Тексты / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
9. Кризис URL: <http://dictionary-economics.ru/word/> (дата обращения: 22.07.2015).
10. Ланге Н.Н. Психический мир: Избр. Психол. труды / под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996. 368 с.
11. Ланге Н.Н. Психология // Итоги науки в теории и практике. Т. 8. М.: Изд-во т-ва «Мир», 1914. 312 с.
12. Ланге Н.Н. Психологические исследования: Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса: Типография Шт. Одесского военного Округа, 1893.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
14. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
15. Мазиллов В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
16. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль: МАПН, 2002. 166 с.
17. Мазиллов В.А. Психология: шизофрения как и было сказано // Психотехнологии в социальной работе / под ред. В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, 1998. С.140-173.
18. Мазиллов В.А. Психология: кризис в науке [Текст] / В.А.Мазиллов // Психотехнологии в социальной работе. Вып. 9 / под ред. В.В.Козлова. Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2004. С. 12-46.
19. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: МАПН, 2007. 359 с.
20. Мироненко И.А. Кризис психологии: перманентный и системный или локальный? // Вопросы психологии. 2008. №4. С. 119-127.
21. Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ. / отв. ред. А.Л.Журавлев, Т.В.Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 386 с.
22. Робин Гуд по имени Сорос: Интервью с Д.Соросом // Аргументы и факты. 1997. № 41 (886). С. 13.
23. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А.Л.Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во ИПРАН, 2007. 480 с.
24. Фресс П. О психологии будущего // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 3. С. 48-54.
25. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга, 2005.
26. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
27. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб: Евразия, 1998. 528 с.
28. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-11.
29. Bühler K. Die Krise der Psychologie.. Jena: Fischer, 1927. XV. 223 S.
30. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology // I Международная конференция памяти А.Р. Лурии – First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. М.: MGU., 1997. P.117.
31. International Congress of Psychology 21 st Paris, 1976.: Actes du XXI e Congress international de psychologie. Paris, 18-25 juillet. Paris: Press Univ. de France, 1978. 462 p.
32. Kostyleff N. La crise de la psychologie experimentale. Paris, 1911. 186 p.
33. Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology // J. Gen. Psychol., 1931. P.141-177.
34. Willy R. Die Krisis in der Psychologie. München, 1899. 280 S.
35. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.

V.A. Mazilov

CRISIS IN PSYCHOLOGY: WAS TROYA REAL?

The article analyzes the phenomenon of a crisis in psychology. Periodically, there are new publications on this topic, which indicates that it remains relevant. The article explains the position according to which there are psychological reasons that cause the new generations of psychologists all talk about the crisis. The main thesis of the article – intrusive treatment of the theme of a crisis – is nothing more than a memory of psychologists (for themselves) that psychology is not perfect yet, if measured by large and considered as the science of a human soul, as the science of the most amazing and perfect (elevated), according to Aristotle. It is suggested that the inception of the crisis should be taken in 1874; this is the year of occurrence of psychology as an independent science. The author identifies and describes three levels of crisis.

Keywords: psychology, science, crisis, subject of psychology.

Мазилев Владимир Александрович,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и социальной психологии
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д.Ушинского»
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108
E-mail: v.mazilov@yspu.org

Mazilov V.A.,
Doctor of Psychology, Professor, Head of Department
of General and Social Psychology
Yaroslavl State Pedagogical University
150000, Russia, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108
E-mail: v.mazilov@yspu.org